

RU

Концепт NEW COLD WAR в англоязычном политическом дискурсе:
содержание, функции и специфика референции (2022-2025 гг.)

Ковалев Н. А.

Аннотация. В статье проводится междисциплинарный анализ актуализации и семантической трансформации концепта NEW COLD WAR в англоязычном политическом дискурсе (2022-2025 гг.). Представлена деконструкция его смыслового наполнения, ключевых коннотаций и дискурсивных функций в условиях меняющихся международных отношений. Цель – эксплицировать дискурсивно-прагматические функции и семантические особенности концепта в двух ключевых контекстах: конфронтации с Россией и стратегического соперничества с Китаем. Исследование основано на интеграции критического дискурс-анализа, когнитивной лингвистики и компаративного подхода. Эмпирическая база включает высказывания политиков, медиатексты и экспертные публикации. Научная новизна заключается в системном сопоставлении двух векторов референции концепта, выявляющем его адаптацию к разным типам геополитического противостояния. Результаты показывают, что концепт NEW COLD WAR используется не как точная аналогия, а как гибкий риторический инструмент для фрейминга и легитимации. В контексте России он служит для драматизации острого кризиса, а в отношении Китая – для концептуализации долгосрочного системного соперничества. Установлено, что его основными функциями являются когнитивное упрощение многополярной реальности, конструирование образа «Чужого» и мобилизация общественной поддержки.

EN

The NEW COLD WAR concept in English-language political discourse:
content, functions, and referential specificity (2022-2025)

N. A. Kovalev

Abstract. The article conducts an interdisciplinary analysis of the actualization and semantic transformation of the NEW COLD WAR concept in English-language political discourse (2022-2025). The work deconstructs the concept's semantic content, key connotations, and discursive functions within the context of changing international relations. The study aims to explicate the discursive-pragmatic functions and semantic features of the concept in two key contexts: confrontation with Russia and strategic rivalry with China. The research is based on the integration of critical discourse analysis, cognitive linguistics, and a comparative approach. The empirical base includes political statements, media texts, and expert publications. The scientific novelty lies in the systematic comparison of two vectors of the concept's reference, revealing its adaptation to different types of geopolitical confrontation. The results show that the NEW COLD WAR concept is used not as an exact analogy but as a flexible rhetorical tool for framing and legitimation. In the context of Russia, it serves to dramatize an acute crisis, while regarding China, it conceptualizes long-term systemic rivalry. It is established that the primary functions of this tool are the cognitive simplification of multipolar reality, the construction of the image of the "Other", and the mobilization of public support.

Введение

Актуальность исследования продиктована необходимостью комплексного осмысления концепта NEW COLD WAR, что обусловлено тремя ключевыми обстоятельствами. Во-первых, существует объективная потребность в фиксации его семантической трансформации: из строгого исторического дескриптора он превратился в перформативный инструмент, формирующий политическую повестку, что создает разрыв между его исконным значением и современным употреблением. Во-вторых, геополитические реалии 2022-2025 гг. диктуют необходимость изучения данного концепта как мощнейшего механизма фрейминга, используемого

для упрощения сложной картины мира и легитимации политических решений. В-третьих, требованием современной лингвистики является преодоление концептуального пробела: крайне важно дифференцировать языковые средства репрезентации концепта NEW COLD WAR применительно к России и Китаю в различных типах политического дискурса (институциональном, медийном и экспертном).

Для достижения поставленной цели сформулирован следующий комплекс исследовательских задач:

1. Выявить основные дискурсивные поля и контекстные ситуации актуализации концепта NEW COLD WAR в англоязычном политическом дискурсе в период с 2022 по 2025 гг.
2. Определить типичные коллокационные модели, формирующие актуальное понятийное ядро концепта NEW COLD WAR в англоязычном политическом дискурсе в период с 2022 по 2025 г.
3. Проанализировать репрезентацию концепта NEW COLD WAR в англоязычном политическом дискурсе в период с 2022 по 2025 г. и реконструировать спектр их прагматических интенций у различных дискурсивных акторов (представители политических институтов, медиаплатформы, экспертные центры).
4. Провести сравнительный анализ выявленных дискурсивных полей (направлений референции) по ключевым параметрам для демонстрации функциональной дивергенции концепта NEW COLD WAR в англоязычном политическом дискурсе в период с 2022 по 2025 г.
5. Эксплицировать имплицитные идеологические пресуппозиции и аксиологические основания, закладываемые в структуру концепта NEW COLD WAR в период с 2022 по 2025 г. в процессе его прагматической операционализации.

Методологическую основу исследования составляют принципы критического дискурс-анализа в традициях Т. ван Дейка (Dijk, 2006) и Н. Фэркло (Fairclough, 1995), позволяющие эксплицировать идеологическую составляющую языковых практик и их неразрывную связь с властными отношениями и процессами социального конструирования. Также применяется анализ концептуальных метафор (Lakoff, Johnson, 2003), в рамках которого холодная война интерпретируется как метафорическая сфера-источник для категоризации и осмысления текущих событий. Использован дифференцированный анализ применения концепта к двум ключевым геополитическим оппонентам – России и Китаю. Такой подход позволяет не просто констатировать факт использования термина *“cold war”* / «холодная война», но и выявить различия в его семантическом наполнении и прагматических целях в двух различных, хотя и взаимосвязанных, контекстах противостояния.

Теоретической базой настоящего исследования является интеграция дискурсивного и когнитивного подходов к анализу политической коммуникации, разрабатываемых в русле когнитивной науки и критического дискурс-анализа (Карасик, 2022; Маслова, 2018; Kecskes, 2014; The Handbook of Discourse Analysis, 2015). В работе мы опираемся на теорию концептуальной метафоры и фреймового моделирования, рассматривая фрейм как мобильную когнитивную структуру, организованную по сетевому принципу и способную адаптироваться к новой информации (Кубрякова, 2004; Минский, 1988; Чудинов, 2001; Fillmore, 1985). Особое значение для нашего исследования имеет теория политического дискурса, понимаемого как социальная практика конструирования властных отношений и гегемонистских картин мира (Ван Дейк, 2013; Шейгал, 2004; Fairclough, 1995; Wodak, 2021). Кроме того, важное место в работе занимают исследования, посвященные актуализации исторических аналогий в политическом дискурсе как инструмента когнитивного упрощения, фрейминга и легитимации властных решений (Беклямишев, 2023; Будаев, Чудинов, 2018; Lakoff, Johnson, 2003), а также труды, рассматривающие концепт как комплексное ментальное образование, синтезирующее понятийную, образную и ценностную составляющие и характеризующееся сочетанием стабильности и динамики (Воркачев, 2011; Радбиль, 2012; Степанов, 2007). Не претендуя на исчерпывающий обзор существующей литературы, мы включили в теоретическую базу только те источники, которые непосредственно формируют понятийный аппарат и методологическую основу для проведения данного анализа.

Материалами исследования послужили публикации англоязычной качественной прессы, изданные в период 2022–2025 гг. (Bloomberg, Geopolitical Monitor, The Guardian, Foreign Affairs, Foreign Policy, Newstarget, The New York Times, The Times, The Quad Report, The Wall Street Journal), интернет-сайтов Правительства Великобритании, Белого дома, НАТО, выступления политических деятелей (Борис Джонсон, Йенс Столтенберг, Джейк Салливан), а также публикации аналитиков и экспертов, в частности Foreign Policy Research Institute.

Практическая значимость исследования определяется его междисциплинарной направленностью и ориентацией на решение актуальных задач в сферах политической коммуникации, экспертного анализа, образовательной деятельности и международных отношений, предоставляя конкретные аналитические инструменты для более глубокого понимания и осознанного взаимодействия с ключевыми нарративами, определяющими современный политический ландшафт. Исследование позволяет повысить дискурсивную рефлексивность через раскрытие механизмов и прагматических целей использования исторических аналогий, разрабатывать более эффективные коммуникативные стратегии, фреймирующие реальность, и критически оценивать информационную среду. Результаты исследования могут быть успешно интегрированы в учебные курсы и спецкурсы по политической лингвистике, критическому дискурс-анализу, международным отношениям и глобальной политике, а также в программы, посвященные информационным войнам и публичной дипломатии. Материалы работы способствуют формированию у студентов навыков семантико-когнитивного анализа публичной речи, понимания механизмов фрейминга и манипуляции, что является ключевым для подготовки специалистов в области политологии, международных отношений, журналистики и связей с общественностью.

Обсуждение и результаты

В основе исследования лежит интегративная методология, объединяющая дискурсивный и когнитивный анализ политической коммуникации, которая разрабатывается в русле современной когнитивистики и критического дискурс-анализа (Карасик, 2022; Маслова, 2018; Павлова, Афиногенова, Гребенщикова, 2023; Kecses, 2014; The Handbook of Discourse Analysis, 2015). Дискурс понимается как динамический процессуальный феномен, обеспечивающий синхронизированную генерацию и рецепцию текстов, определяющий когнитивную сферу коммуникантов и иницирующий модификацию ментальных репрезентаций (Кибрик, 2003; Красных, 2005; Слышкин, 2000). Трансформация «сцен реального мира» обусловлена системой стандартизированных когнитивных структур, к числу которых относятся фреймы, схемы, сценарии и иные формы репрезентации типизированного знания (Болдырев, 2021; Когнитивные исследования языка..., 2019; Кубрякова, 2004). Дискурс-анализ в данной парадигме основывается на реконструкции ментальных моделей, управляющих отбором коммуникативно релевантной информации для построения семантических структур, что обладает особой эвристической ценностью при исследовании политической коммуникации, поскольку позволяет эксплицировать фундаментальные механизмы концептуализации мира и речевого воздействия (Демьянков, 2005; Чудинов, 2001).

В рамках данного исследования политический дискурс трактуется как социальная практика активного конструирования властных отношений и гегемонистских картин мира (Ван Дейк, 2013; Карасик, 2022; Шейгал, 2004; Fairclough, 1995; Dijk, 2006; Wodak, 2021). Политический дискурс рассматривается как имманентно связанный с властными отношениями и обладающий существенной коммуникативной спецификой. Е. И. Шейгал (2000, с. 17) подчеркивает, что сама политика носит преимущественно дискурсивный характер, а политический дискурс представляет собой знаковую систему с модифицированной семантикой языковых единиц и речевых действий. В то же время существует критика понятия «политический язык» как самостоятельного лингвистического феномена. Например, П. Б. Паршин (2000) полагает, что в норме он не выходит за рамки грамматических и лексических норм национальных языков, и предлагает сосредоточиться на исследовании конкретных идиополитических дискурсов.

В лингвистике превалирует взгляд на политический дискурс как на особую знаковую систему, предназначенную для политической коммуникации. А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич (1991) определяют его как систему для выработки консенсуса и обоснования решений в условиях плюрализма. Е. И. Шейгал (2000, с. 22) включает в его семиотическое пространство как специализированные (термины, символы), так и неспециализированные знаки, приобретающие в этом контексте содержательную специфику. Подходы к определению его границ варьируются от узкого, институционального (дискурс профессиональных политиков по Т. А. ван Дейку (2013)), до широкого, полевого, где критерием является отнесенность к сфере политики хотя бы одного из компонентов: субъекта, адресата или содержания (Шейгал, 2004, с. 44–45). Широкое понимание, которое берется за основу в рамках данного исследования, позволяет охватить как институциональные (парламентские дебаты, указы), так и неинституциональные формы (масс-медийный дискурс, дискурс реагирования, художественные тексты на политические темы). Политический дискурс как полиаспектный феномен характеризуется набором системообразующих признаков, включающих цель (завоевание и удержание власти), участников, стратегии и тактики общения. Его отличают специфика концептуализации мира и широкий арсенал средств речевого воздействия. К ключевым свойствам и индикаторам относят институциональность, полемичность, идеологизацию, метафоричность, смысловую неопределенность и претензию на истину (Чудинов, 2007; Шейгал, 2004). Дискурсивный подход оказывается наиболее плодотворным, поскольку позволяет анализировать не только формальные языковые особенности, но и лежащие в их основе механизмы речевого воздействия и специфическую картину мира, конструируемую в процессе политической коммуникации.

Ключевым структурным элементом политического дискурса является концепт (Воркачев, 2011; Кубрякова, Демьянков, Панкрац и др., 1996; Пименова, 2003) – комплексное ментальное образование, синтезирующее в себе понятийную (денотативную), образную (коннотативную) и ценностную (аксиологическую) составляющие (Степанов, 2007, с. 40–42). Согласно Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкову, Ю. Г. Панкрацу и Л. Г. Лузиной, «понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» (1996, с. 90). Т. Б. Радбиль отмечает, что ключевым свойством концептов служит сочетание стабильности и динамики. Исследователь подчеркивает, что именно «инвариантно-вариантная природа концепта, с одной стороны, позволяет ему изменяться, эволюционировать под влиянием тех или иных внешних и внутренних факторов, а с другой – является залогом его стабильности во времени и в пространстве» (Радбиль, 2012, с. 58). Изучение концепта в лингвистике сосредоточено на анализе его репрезентации средствами грамматической и лексической семантики языковой системы. Данные ментальные образования отличаются вариативностью по степени абстракции и специфике содержательного наполнения (Бабушкин, 1996, с. 54–55). Концепты функционируют в качестве «когнитивных каркасов» (frames), которые организуют восприятие социально-политической действительности и редуцируют сложные многомерные явления до доступных для массовой коммуникации моделей (Lakoff, Johnson, 2003).

В политическом дискурсе особую значимость приобретает актуализация исторических аналогий, которые выполняют функции когнитивного упрощения, дискурсивного фрейминга, легитимации действий и мобилизации

аудитории, редуцируя сложную реальность до бинарных моделей по типу «свой – чужой» (Будаев, Чудинов, 2018; Шейгал, 2004; Чудинов, Сегал, 2023). Механизмы такой актуализации изучаются в рамках теории контекстуализации и ресемантизации исторических нарративов.

Концепты COLD WAR и производный от него NEW COLD WAR обладают структурной организацией, соответствующей динамическому фрейму (также описываемому как скрипт или концепт-сценарий) (Ковалев, 2020). Основоположник методики фреймового анализа М. Минский определяет фрейм в качестве мобильной когнитивной структуры, организованной по узловому принципу и состоящей из сети отношений между этими узлами. Указанная структура, будучи абстрактной схемой репрезентации стереотипных событий и объектов, инкорпорирует в себя множество «слотов по умолчанию», что обеспечивает возможность ее адаптации и обогащения новой информацией. Важным аспектом теории является положение о способности фреймов к образованию ассоциативных связей друг с другом, формируя межфреймовые сети, а также о наличии у них общих узлов (терминалов) (Минский, 1988; Minsky, 1975). В современной лингвистической науке, во многом благодаря работам Ч. Филлмора (Fillmore, 1985), фреймовый анализ получил статус одной из общепринятых исследовательских парадигм.

Особую значимость в политическом дискурсе приобретают исторические аналогии и реминисценции (Беклямишев, 2023). Обращение к прошлому, в частности к таким эпохальным событиям, как Вторая мировая война или холодная война, предоставляет политическим акторам мощный инструментарий для решения ряда коммуникативных задач: когнитивное упрощение и схематизация (репрезентация многогранных и не имеющих прямых прецедентов ситуаций в виде уже известных, «решенных» исторических моделей, что снижает когнитивную нагрузку на реципиента и минимизирует семантическую неопределенность); дискурсивный фрейминг (задание определенной оптики восприятия событий, при которой акцентируются одни аспекты конфликта (например, идеологический) и элиминируются другие (экономическая взаимозависимость, многоуровневая дипломатия)). Аналогия с холодной войной имплицитно выстраивает биполярную модель мира по принципу «свой – чужой», «демократия – авторитаризм»; легитимация политических действий (обоснование непопулярных или ресурсоемких мер (увеличение военных расходов, введение санкционных режимов, ограничение гражданских свобод) обуславливается необходимостью противостояния «историческому злу», уроки которого были якобы усвоены, что апеллирует к коллективной памяти и чувству исторической ответственности; обеспечивается мобилизационный потенциал (консолидация общества вокруг символического знака прошлой победы или преодоления, создание атмосферы «национальной сплоченности» перед лицом экзистенциального вызова, ретроспективно проецируемого на текущую ситуацию).

Таким образом, холодная война выступает не просто как исторический период, а как мощный структурирующий ментальный конструкт или дискурсивная формула. Ее актуализация в современном дискурсе представляет собой попытку аппроксимации знакомой биполярной схемы на принципиально иную, полицентричную и глобализованную реальность, что неминуемо приводит к семантическим сдвигам, гибридизации и новой функциональной нагрузке концепта, требующим системного анализа.

Анализ семантики и употребления концепта NEW COLD WAR

Проведенный анализ эмпирического материала позволяет выделить два основных вектора референции концепта NEW COLD WAR, коррелирующих с ключевыми осями геополитической конфронтации: в контексте противостояния с Россией и в контексте стратегического соперничества с Китаем. Каждый из этих векторов характеризуется специфической семантической аурой и набором коллокационных паттернов.

Референция к конфронтации с Россией

Катализатором для интенсивной актуализации концепта выступило начало специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 года. Данное событие было интерпретировано в доминирующем западном дискурсе как акт прямой военно-политической агрессии, знаменующий кардинальный разрыв с постбиполярным миропорядком и требующий адекватного исторического осмысления через призму масштабных конфронтаций прошлого.

Ключевые коллокационные паттерны, формирующие дискурсивное поле концепта NEW COLD WAR применительно к России, включают: *“a new cold war with Russia”* / «новая холодная война с Россией» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Н. А.), *“return to the cold war”* / «возвращение к холодной войне», *“energy cold war”* / «энергетическая холодная война» в связи с санкциями и ограничениями на поставки энергоресурсов, *“cyber cold war”* / «кибернетическая холодная война», актуализирующий тему кибератак и информационного противоборства, *“nuclear brinkmanship”* / «балансирование на грани ядерного конфликта».

В институциональном политическом дискурсе концепт NEW COLD WAR используется для демонстрации стратегической решимости и обоснования принимаемых мер. Например, премьер-министр Великобритании Борис Джонсон в феврале 2022 года в своем заявлении утверждал: *“Ukraine is a country that for decades has enjoyed freedom and democracy and the right to choose its own destiny. We – and the world – cannot allow that freedom just to be snuffed out. We cannot and will not just look away”* (Johnson, 2022). / «Украина – страна, десятилетиями сохранявшая свободу и демократию, имевшая право определять свою судьбу. Мы – вместе со всем миром – не можем позволить подавить эту свободу. Мы не можем и не станем закрывать глаза и делать вид, что ничего не происходит». Таким образом Джонсон прямо указывает на оппозицию «свобода – рабство», характерную для риторики холодной войны XX века. Лингвистический анализ политической риторики на примере Б. Джонсона демонстрирует,

что концепт NEW COLD WAR в политическом дискурсе актуализируется через перформативное воспроизведение бинарной логики XX века. Ключевые лексические единицы здесь представлены не прямыми терминами, а идеологемами-маркерами «своих»: “freedom” / «свобода», “democracy” / «демократия», “right to choose its own destiny” / «право определять свою судьбу», в сочетании с имплицитной семантикой «чужих», репрезентированной через эмоционально заряженные глаголы насильственных мер принуждения: “snuff out.” / «подавить». Существенно, что использование инклюзивного местоимения “We” / «мы» в связке с гиперболой “the world” / «весь мир» лингвистически конструирует глобальную биполярность, воспроизводя матрицу противостояния «Свободного мира» и «Империи зла». Эта лексико-грамматическая стратегия усиливается синтаксисом (парцелляцией и градацией), создающим эффект неотвратимости реакции, и модальностью долженствования “cannot” / «не можем», “will not” / «не станем», которая превращает высказывание в комиссивный речевой акт. Лингвистический анализ единиц языка показывает, что через активацию семантического поля «старой» холодной войны (идеологемы, бинарные оппозиции, инклюзивные «мы») в риторике реализуется стратегия морально-панического фрейминга: конфликт переводится из геополитической в этическую плоскость, где компромисс невозможен. Эта дискурсивная материализация биполярной логики – через демонизацию «чужих» и мобилизацию «своих» – служит прагматическим инструментом для легитимации силового сдерживания, где язык выступает не медиатором, а катализатором конфронтации, превращая абстрактную угрозу в операциональную реальность, требующую немедленных действий.

Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, предупреждая о долгосрочном характере конфронтации, отмечал: “But we face a new reality for our security. So we must reset our collective defence and deterrence for the longer term” (Stoltenberg, 2022). / «Перед нами новая реальность в вопросах безопасности. Это значит, что пора кардинально пересмотреть подходы к коллективной обороне и сдерживанию, рассчитанные на длительную перспективу», что имплицитно отсылает к логике «долгой продолжительной борьбы» времен холодной войны. Лингвистический анализ дискурса военно-политического блока НАТО на примере Й. Столтенберга демонстрирует стратегию технократической легитимации перманентной конфронтации, где концепт NEW COLD WAR внедряется не через идеологическую риторику, а через секьюритизацию реальности как объективной данности. Ключевые лексические единицы здесь представлены онтологической метафорой “a new reality” / «новая реальность», которая трансформирует геополитический конфликт из субъектного действия в безличное условие существования, подобное природному явлению, что снимает вопрос о политической ответственности за эскалацию. Существенно, что уставные термины институционального реагирования “collective defence” / «коллективная оборона» и “deterrence” / «сдерживание» в сочетании с темпоральным маркером “for the longer term” / «на длительную перспективу» эвфемизируют подготовку к войне, представляя ее как рутинную бюрократическую процедуру и одновременно имплицитно отсылая к состоянию «долгой борьбы на истощение» времен холодной войны. Грамматически эту лексико-семантическую стратегию усиливает модальный глагол вынужденности “must” / «должны» в конструкции с инклюзивным “we” / «мы», который оправдывает любые действия как неизбежные. Семантический анализ показывает, что через объективацию угрозы и бюрократизацию конфликта дискурс реализует стратегию нормализации чрезвычайного положения: компьютерная метафора “reset” / букв. «перезагрузить» деавторизирует постбиполярный мир, объявляя все прежние договоренности устаревшими и программируя сознание аудитории на принятие конфронтации как «новой нормальности». Эта дискурсивная материализация логики холодной войны через превращение конфликта в структурное условие, а не в текущее событие, служит прагматическим инструментом институционализации милитаризации, где язык выступает не средством описания угрозы, а механизмом проектирования будущего, гарантирующим альянсу активное функционирование на десятилетия вперед и легитимирующим гонку вооружений через риторику безличной неизбежности.

В медиадискурсе (The Guardian, The Wall Street Journal и т. д.) концепт используется более либерально и перформативно. Лингвистический анализ заголовков типа “Is the world at the start of a new Cold War?” (Bebernes, 2022) / «Находится ли мир на пороге новой холодной войны?», “The New Cold War: The United States, Russia, and China from Kosovo to Ukraine” (Achcar, 2023) / «Новая холодная война: Соединенные Штаты, Россия и Кумай от Косово до Украины», “A New Cold War Needs Its Own Rules” (Ibrahim, 2024) / «Новой холодной войне нужны собственные правила», “‘The Return of Great Powers’ and ‘Cold War 2.0’ Review: Conflict to Come” (Black, 2024) / «Обзор на «Возвращение великих держав» и «Холодная война 2.0»: грядущие конфликты», “How to Use and Misuse History in Cold War II With China” (Ferguson, 2024) / «Правильное и неправильное использование истории во второй Холодной войне против Кумая», “The Three Fronts of The Neo-Cold War” (Alonso-Trabanco, 2024) / «Три фронта неохолодной войны», “A new cold war? World war three? How do we navigate this age of confusion?” (Garton Ash, 2024) / «Новая холодная война? Третья мировая война? Как нам ориентироваться в эту эпоху неопределенности?» демонстрирует стратегию концептуализации угрозы через прагматический фрейминг, где они выполняют функцию не столько информирования, сколько имплицитного внедрения тревожной трансгисторической оптики. Ключевые лексические единицы здесь представлены технократическими маркерами новизны – числительными и их версиями “Cold War II” / «Вторая холодная война», “Cold War 2.0” / «Холодная война 2.0», “Neo-Cold War” / «Неохолодная война», – которые лингвистически легитимируют конфликт через преемственность, представляя его как закономерное обновление исторических реалий, а также лексемами с семантикой хаоса “age of confusion” / «эпоха неопределенности» и экзистенциального возвращения “Return of Great Powers” / «Возвращение великих держав», активирующими архетипические страхи. Существенно, что интеррогативные конструкции “A new cold war? ...” / «Новая холодная война? ...» работают не как поиск истины, а как суггестивный прием пресуппозиции, где сам вопрос внушает наличие предмета обсуждения в качестве данности. Эта лексико-синтаксическая стратегия усиливается грамматически через префиксацию “neo-” / «нео-», создающую семантику мутировавшего

возрождения, и использование родительных падежей *"The Three Fronts of The Neo-Cold War"* / «Три фронта неохолодной войны», формирующее эффект монументальности и авторитетности концепта NEW COLD WAR. Лингвистический анализ единицы языка показывает, что через интертекстуальность (увеличение продолжительности конфликта в ряду *"...from Kosovo to Ukraine"* / «...от Косово до Украины») и императивные конструкции-руководства *"How do we navigate this age of confusion?"* / Как нам ориентироваться в эту эпоху неопределенности?» СМИ реализуют стратегию форматирования реальности: абстрактная геополитическая напряженность переводится в плоскость бытового прагматизма, где читателю требуются инструкции по выживанию. Эта дискурсивная материализация «новой холодной войны» через превращение сложной совокупности событий в простую и пугающую историю с готовым сценарием служит прагматическим инструментом извлечения прибыли из человеческих фобий, где язык выступает механизмом сужения критического мышления аудитории, навязывая ей биполярную матрицу восприятия и программируя готовность принимать конфронтацию как трансторическую норму.

Референция к соперничеству с Китаем

Дискурс о «холодной войне» с Китаем имеет более пролонгированный и стратегический характер, акцентируя иные аспекты противостояния. Его концептуальным контекстом выступает технологическая гонка и борьба за влияние в Индо-Тихоокеанском регионе.

Ключевые коллокации, репрезентирующие концепт в данном случае: *"cold war with China"* / «холодная война с Китаем», *"tech containment"* / «технологическое сдерживание» (Soliman, Carchidi, 2024), *"tech cold war"* / «технологическая холодная война», *"economic decoupling"* / «разделение экономик», *"strategic competition"* / «стратегическая конкуренция», *"systemic rivalry"* / «системное соперничество». Стоит отметить, что по отношению к Китаю термин *"cold war"* / «холодная война» зачастую используется с большей семантической осторожностью и в менее резких формулировках. Это порождает гибридные формулировки, такие как *"cool war"* / «прохладная война» (Sokol-ski, 2024) или *"managed strategic competition."* / «управляемое стратегическое соперничество» (Rudd, 2021). Лингвистический анализ коллокаций демонстрирует стратегическую модификацию и эвфемизацию конфликтного дискурса, где исходный концепт COLD WAR подвергается семантическому сужению через лексическую спецификацию *"tech"* / «технический», *"economic"* / «экономический» и замене на абстрактные эвфемизмы *"strategic competition"* / «стратегическая конкуренция», *"systemic rivalry"* / «системное соперничество», что отражает стремление к фрагментации и рационализации противостояния. Формирование семантических неологизмов *"cool war"* / «прохладная война» служит лингвистическим инструментом для кодификации гибридного состояния конфликта – одновременного признания его системного характера и демонстрации сохраняющегося контроля *"managed strategic competition"* / «управляемое стратегическое соперничество», направляя прагматические сигналы разным аудиториям (экспертной, публичной, оппоненту). Эта семантическая осторожность и избирательность терминологии выступают прямым дискурсивным отражением структурных ограничений, накладываемых взаимозависимостью в глобализированной системе, где язык становится не только средством описания, но и полем для сдержанного стратегического маневрирования.

В риторике администрации США последовательно выстраивается образ Китая как основного стратегического конкурента: *"The [People's Republic of China] is the only competitor with both the intent to reshape the international order and, increasingly, the economic, diplomatic, military, and technological power to advance that objective"* (National Security Strategy, 2022). / «Китайская Народная Республика является единственным конкурентом, который имеет намерение изменить международный порядок и обладает все большей экономической, дипломатической, военной и технологической мощью для достижения этой цели». Лингвистический анализ официального дискурса стратегического планирования США на примере «Стратегии национальной безопасности США 2022» демонстрирует механизм институциональной категоризации противника через селективную лексическую таксономию, где концепт стратегического соперничества конструируется не через эмоциональную риторику, а через юридически выверенную квалификацию угрозы. Ключевой единицей языка здесь выступает определитель исключительности *"the only competitor"* / «единственный конкурент», выполняющий функцию эксклюзивизации – лингвистического выведения Китая из ряда прочих вызовов и помещения его в уникальную категорию, что маркирует дискурсивный переход от многополярности к имплицитной новой биполярности. Обратим внимание, что существительное *"intent"* / «намерение» в сочетании с инфинитивом *"to reshape"* / «изменить, перекроить» активизирует семантику ревизионизма, имплицитно противопоставляя его «нейтральному» статусу, который через пресуппозицию представляется как безусловное благо. Грамматически эта лексическая стратегия подкрепляется использованием определенного артикля *"the"* (*"the intent"* / «намерение»), который подает тезис об угрозе со стороны КНР как об уже известном и не требующем доказательств факте. Через перечислительную градацию *"economic, diplomatic, military, and technological power"* / «экономическая, дипломатическая, военная и технологическая мощь» создается семантический эффект тотальности угрозы – образ противника, обладающего всей полнотой ресурсов для достижения своей «ревизионистской» цели. Эта дискурсивная материализация образа абсолютного конкурента через таксономическую классификацию и секьюритизацию международного порядка служит прагматическим инструментом легитимации собственных милитаристских и экономических мер. В этом случае язык выступает как механизм каузации, имплицитно обосновывающий необходимость наращивания мощи США как «вынужденного ответа» на сфабрикованную экзистенциальную угрозу, а также как средство эвфемизации собственной гегемонии через представление текущего порядка как нейтральной нормы, любое изменение которой автоматически квалифицируется как агрессия.

Советник по национальной безопасности США Джейк Салливан в своих выступлениях подчеркивает необходимость построения основ для управляемого соперничества: *"Now, when you zoom out from economics, we are competing with China on multiple dimensions, but we are not looking for confrontation or conflict. We're looking to manage competition responsibly and seeking to work together with China where we can"* (Sullivan, 2023). / «Теперь, если взглянуть шире экономики, мы конкурируем с Китаем по многим направлениям, но мы не ищем конфронтации или конфликта. Мы стремимся ответственно подходить к управлению конкуренцией и стремимся сотрудничать с Китаем там, где это возможно». Лингвистический анализ дипломатического дискурса на примере высказывания Дж. Салливана демонстрирует стратегию деэскалации, где язык выполняет функцию кризисного управления, балансируя между институционально закрепленной конфронтационностью и необходимостью сохранения коммуникативных каналов. В дискурсе Салливана прослеживается семантика контроля и управления, где ключевой единицей языка выступает глагол *"manage"* / «управлять», который переводит геополитическое соперничество из плоскости конфликта в плоскость административного процесса, выполняя функцию нормализации и натурализации конкурентной борьбы как объективной данности. Важно, что лексический выбор Салливана строится на триадической оппозиции *"confrontation"* / «конфронтация» – *"competition"* / «конкуренция» – *"cooperation"* / «сотрудничество», где центральное звено *"competition"* / «конкуренция» лингвистически нормализует состояние гибридной конфронтации, а адвербиальный модификатор *"responsibly"* / «ответственно» служит моральным буфером, сигнализирующим внутренней аудитории о рациональности и взвешенности курса без изменения сути политики. Эта лексико-синтаксическая стратегия грамматически усиливается использованием глаголов интенционального состояния *"we are not looking for"* / «мы не ищем», *"we are seeking to"* / «мы стремимся», которые смещают фокус с действия на намерение, оставляя пространство для дипломатического маневра, и квантификаторов *"where we can"* / «где это возможно», выполняющими функцию хеджирования (лингвистической страховки от неудач сотрудничества). Через метафору оптического масштабирования *"when you zoom out from economics"* / «если взглянуть шире экономики» Салливан синтаксически конструирует возможность селективного взгляда на конфликт, позволяя аудитории (руководство КНР, союзники, бизнес) считывать разные сигналы из одного высказывания благодаря полисемии абстрактных терминов. Эта дискурсивная материализация «управляемого соперничества» через подмену военной лексики менеджериальной и перенос фокуса с субъекта конфликта на процесс его администрирования служит прагматическим инструментом стратегической коммуникации, где язык выступает механизмом снижения эскалационного потенциала без уступок, по существу, позволяя США сохранять конфронтационный курс, одновременно презентуя себя как рационального и ответственного глобального игрока.

Заявление Бориса Джонсона, выступающего против конфронтации с Китаем по типу «холодной войны», представляет собой попытку найти баланс между политикой сдерживания и прагматичным признанием невозможности полного экономического «разъединения»: *"Boris Johnson warns Tories off cold war with China. MPs oppose economic ties as Britain expands nuclear arsenal"* (Johnson, 2021). / «Борис Джонсон предостерегает консерваторов от холодной войны с Китаем. Члены парламента выступают против экономических связей в условиях наращивания Британией ядерного арсенала». Лингвистический анализ медийного заголовка демонстрирует стратегию репрезентации институционального раскола и перформативного противоречия, где язык конструирует когнитивный диссонанс через синтаксическое и семантическое столкновение несовместимых реальностей в едином дискурсивном пространстве. Ключевые лексические единицы здесь образуют две антагонистические семантические группы: нарратив деэскалации представлен фразовым глаголом-ограничителем *"warn off"* / «предостерегать» в сочетании с историзмом-триггером *"cold war"* / «холодная война», выполняющим функцию негативного фрейминга (нежелания повторения прошлых ошибок), тогда как нарратив эскалации активируется прямой номинацией политики разделения экономик *"oppose economic ties"* / «выступать против экономических связей» и максимальным маркером гонки вооружений *"expand nuclear arsenal"* / «наращивание ядерного арсенала», возвращающим материальную логику холодной войны XX века. Существенно, что грамматическая структура заголовка (парцелляция на два независимых предложения) визуализирует институциональный раскол между риторикой лидера и действиями парламента и государства, а амбивалентный союз *"as"* / зд. «в условиях», связывающий вторую часть, создает темпорально-каузальную неопределенность, вынуждая читателя самостоятельно достраивать причинно-следственные связи между ядерным расширением и экономическим разъединением. Эта лексико-синтаксическая архитектура усиливается прагматически через обнажение перформативного противоречия: речевой акт отрицания холодной войны (*"warn off"* / «предостерегать») сосуществует с действиями, реализующими ее логику, что фиксирует разрыв между словами и делами как новую норму. Эта дискурсивная материализация гибридной реальности, в рамках которой отрицание конфликта и подготовка к нему сосуществуют без ощущения противоречия, служит прагматическим инструментом нормализации парадокса: медиадискурс адаптирует аудиторию к состоянию перманентной непоследовательности, при которой страна одновременно отрицает «новую холодную войну» на уровне риторики и материализует ее через ядерное сдерживание и экономическое разъединение.

В экспертном и академическом сообществе дискуссия носит более прямой и аналитический характер. Издания *Foreign Policy* и *Newtarget* публикуют заголовки вроде *"Is Cold War Inevitable?"* (Hirsh, 2023) / «Неизбежна ли холодная война?» или *"Gen. Robert Spalding: America, China have started a new Cold War"* (Hughes, 2023). / «Генерал Роберт Сполдинг: Америка и Китай начали новую холодную войну». Лингвистический анализ данных заголовков демонстрирует стратегию объективации и аналитической верификации концепта NEW COLD WAR, где язык выполняет функцию легитимации «новой холодной войны» через апелляцию к авторитету экспертного

сообщества и эпистемическую модальность неизбежности. Ключевой лексической единицей здесь выступает прилагательное *“inevitable”* / «неизбежный», которое переводит дискуссию из плоскости верификации факта в плоскость предиктивного программирования, причем сама постановка вопроса содержит пресуппозицию потенциальной реальности конфликта. В отличие от медийного фрейминга или политической мобилизации, в экспертном дискурсе используются перформативные глаголы инициализации в утвердительной форме *“...have started a new Cold War”* / «...начали новую холодную войну», где Present Perfect выполняет функцию констатирующего речевого акта, превращая прогноз в свидетельство о свершившемся факте, а институциональная атрибуция *“Gen.”* / «Генерал» через апелляцию к военному авторитету придает этому свидетельству статус инсайдерского знания, а не мнения. Через интертекстуальную отсылку к классической советологической риторике (вопрос о неизбежности конфликта) экспертный дискурс активизирует у аудитории весь массив знаний о прошлом противостоянии, прагматически выполняя функцию нормализации конфликта: когда концепт артикулируется авторитетными институтами, он перестает быть маргинальной гипотезой и приобретает статус общепринятой аналитической данности. Эта дискурсивная материализация неизбежности служит прагматическим инструментом проектирования будущего, где язык выступает механизмом сужения альтернатив, внушая аудитории, что сценарий конфронтации является единственно возможным, и тем самым лингвистически упраздняя пространство для поиска мирных альтернатив.

Так, концепт NEW COLD WAR служит дискурсивным фреймом, чье применение зависит от контекста и целей. В риторике о России он реализуется в исторически аналоговой, мобилизационной форме, используя лексику биполярного противостояния для консолидации альянса. В отношении Китая доминирует гибридный дискурс, где семантика управляемости порождает смягченную терминологию. Этот язык выполняет двойную функцию: сигнализирует о соперничестве, но стремится избежать открытого разрыва. Таким образом, концепт работает не как описание, а как инструмент конструирования реальности.

Сравнительный анализ двух направлений референции

Дальнейший анализ эмпирического материала (политических выступлений, стратегических документов и медиатекстов США, Великобритании и НАТО) позволяет систематизировать вариативность функционирования концепта NEW COLD WAR в зависимости от объекта референции (Россия, Китай) по трем ключевым параметрам: темпоральный профиль угрозы, фиксирующий различия в грамматическом конструировании конфликта как «кризисной сиюминутности» (применительно к России) или «стратегической протяженности» (применительно к Китаю); семантическая доминанта, выявляющая смещение лексического наполнения от военно-идеологической архаики в российском дискурсе к техно-экономической гибридности и эвфемизации в дискурсе о Китае; степень бинаризации, демонстрирующая тяготение риторики о России к жестким оппозициям «мы – они», тогда как в отношении Китая синтаксические конструкции легитимируют совмещение конкуренции и сотрудничества, отражая более сложную, многомерную природу воспринимаемого противостояния.

Темпоральность и природа конфликта. В отношении России концепт актуализируется в контексте настоящего кризиса, что маркируется грамматически. В выступлении Б. Джонсона (Johnson, 2022) используется настоящее время и модальный глагол *“cannot allow”* / «не можем позволить», подчеркивая необходимость немедленно противодействовать актуальной угрозе *“We ... cannot allow that freedom just to be snuffed out”* / «Мы... не можем позволить подавить эту свободу». Й. Столтенберг (Stoltenberg, 2022) говорит о необходимости перестройки сдерживания *“for the longer term”* / «на длительную перспективу», что, однако, имплицитно, что эта долгосрочность началась сейчас, с текущего конфликта. Лингвистически это «кризисный» фрейм, привязанный к «горячей» фазе. В отношении Китая концепт встраивается в логику долгосрочного процесса. Это проявляется в использовании термина *“strategic competition”* / «стратегическая конкуренция» (National Security Strategy, 2022; Sullivan, 2023), который обозначает протяженное во времени состояние. Дж. Салливан (Sullivan, 2023) использует конструкцию *“we are competing”* / «мы конкурируем» (Present Continuous), указывающую на длящийся процесс, и модальность управления: *“We’re looking to manage competition responsibly.”* / «Мы стремимся ответственно подходить к управлению конкуренцией». Лингвистически это «стратегический» фрейм, ориентированный на будущее.

Семантические доминанты. В российском контексте доминируют военно-политические и энергетические коллокации, формирующие образ непосредственной «горячей» угрозы: *“energy cold war”* / «энергетическая холодная война», *“cyber cold war”* / «кибернетическая холодная война», *“nuclear brinkmanship.”* / «балансирование на грани ядерного конфликта». В риторике Б. Джонсона актуализируется бинарная оппозиция *“freedom and democracy”* / «свобода и демократия» против силы, которая стремится их *“snuff out”* / «подавить», что отсылает к классическому идеологическому противостоянию эпохи холодной войны. В китайском контексте ключевыми семантическими полями являются технологическое и экономическое соперничество, что фиксируется в лексике: *“tech cold war”* / «технологическая холодная война», *“tech containment”* / «технологическое сдерживание», *“economic decoupling”* / «разделение экономик», *“systemic rivalry.”* / «системное соперничество». Лингвистической реакцией на сложность отношений становится семантическая эвфемизация и создание неологизмов: замена прямого термина на *“cool war”* / «прохладная война» (Sokolski, 2024) или *“managed strategic competition”* / «управляемая стратегическая конкуренция». К. Рудд (2021) демонстрирует попытку вербализовать гибридное состояние, отличное от классической конфронтации.

Степень бинаризации. Риторика в отношении России тяготеет к жестким бинарным оппозициям и декларативным утверждениям. Заявления политиков и медиазаголовки строятся по модели «мы – они», исключаяющей

«серые зоны». Заголовок “‘The Return of Great Powers’ and ‘Cold War 2.0’” / «“Возвращение великих держав” и “Холодная война 2.0”» (Black, 2024) лингвистически уравнивает текущую ситуацию с историческим прецедентом. В отношении Китая признается сложность и многомерность отношений, что отражается в синтаксисе, допускающем противоречие. Высказывание Дж. Салливана “.....we are competing... but we are not looking for confrontation... We’re looking to manage competition responsibly... and seeking to work together where we can” (Sullivan, 2023) / «...мы соперничаем... но мы не ищем конфронтации... Мы стремимся ответственно подходить к управлению конкуренцией... и стремимся сотрудничать... где это возможно» построено на противительном союзе “but” и соединительном “and”, лингвистически легитимируя совмещение конкуренции и кооперации. В заголовке о внутриполитических дебатах в Великобритании (“Boris Johnson warns Tories off cold war with China. MPs oppose economic ties as Britain expands nuclear arsenal” / «Борис Джонсон предостерег консерваторов от холодной войны с Китаем. Члены парламента выступают против экономических связей в условиях наращивания Британией ядерного арсенала») противительная конструкция “as” визуализирует внутренний раскол и прагматическое противоречие.

Объединяющей чертой является использование концепта NEW COLD WAR для консолидации западного альянса и легитимации наращивания военного, экономического и технологического потенциала в рамках нарратива долгосрочной конкуренции. Однако лингвистически эта цель достигается разными путями: для России – через активацию исторической аналогии и эмоционально заряженной лексики “snuff out” / «подавить», “nuclear brinkmanship” / «балансирование на грани ядерного конфликта», что мобилизует аудиторию путем вселения страха и апелляцией к моральному долгу; для Китая – через рационализацию и специализацию дискурса “tech containment” / «техническое сдерживание», “systemic rivalry” / «системное соперничество», что легитимирует долгосрочные инвестиции и построение коалиций в логике стратегической необходимости, а не сиюминутного кризиса.

Основываясь на проведенном анализе семантики и употребления концепта NEW COLD WAR, можно подвести следующие промежуточные итоги. Эмпирический материал демонстрирует функциональную дивергенцию концепта, который актуализируется в двух основных дискурсивных векторах, отражающих ключевые оси геополитической конфронтации. Первый вектор, связанный с противостоянием с Россией, характеризуется эмоциональной резкостью, акцентом на военно-политическую и энергетическую агрессию, а также активным использованием риторики исторического разрыва и непосредственной угрозы, что особенно усилилось после февраля 2022 года. Второй вектор, фокусирующийся на стратегическом соперничестве с Китаем, отличается более пролонгированным, технологически и экономически детерминированным характером, а также семантической осторожностью, отражающей высокую степень взаимозависимости и стремление к «управляемой конкуренции». Объединяющей чертой является использование концепта для выполнения ряда ключевых дискурсивных функций: когнитивного упрощения и фрейминга текущей сложной многополярной реальности через призму биполярной модели; легитимации масштабных внешнеполитических решений и наращивания потенциала; конструирования коллективной идентичности «Запада» через противопоставление «авторитарному Чужому»; а также нормативного обоснования новых правил международного поведения. Таким образом, концепт NEW COLD WAR выступает мощным инструментом семантической аппроксимации, ресемантизируя историческую модель для осмысления современных конфликтов, что неизбежно ведет к его семантической гибридизации и функциональной трансформации в зависимости от конкретного объекта референции.

Заключение

В соответствии с поставленными задачами, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Проведенный анализ позволил выявить два магистральных дискурсивных поля, в рамках которых происходит актуализация концепта NEW COLD WAR в период 2022–2025 гг., коррелирующих с ключевыми геополитическими оппонентами США (Россией и Китаем). Дискурсивное поле, связанное с противостоянием с Россией, активизировалось в контексте кризисных событий, прежде всего начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года. Здесь концепт актуализируется в контексте военного, энергетического и кибернетического противостояния, приобретая характер непосредственной угрозы, требующей немедленного осмысления путем проведения исторических аналогий. Дискурсивное поле, связанное с противостоянием с Китаем, отличается пролонгированным и стратегическим характером. Контекстными ситуациями здесь выступают технологическая гонка и экономическое соперничество. В отличие от российского вектора, здесь конфликт представляется не как внезапный кризис, а как долгосрочное, длящееся состояние, требующее не столько немедленной реакции, сколько стратегического планирования.

Исследование подтвердило, что понятийное ядро концепта NEW COLD WAR дифференцировано в зависимости от объекта референции, что проявляется в устойчивых коллокациях. В отношении России доминируют коллокации, подчеркивающие военно-политическую и ресурсную конфронтацию, тяготеющие к исторической архаике и прямой угрозе: “a new cold war with Russia” / «новая холодная война с Россией», “return to the cold war” / «возвращение к холодной войне», “energy cold war” / «энергетическая холодная война», “cyber cold war” / «кибернетическая холодная война», “nuclear brinkmanship.” / «балансирование на грани ядерного конфликта». В отношении Китая формируются коллокации, смещающие акцент на технологическое и системное соперничество: “tech cold war” / «технологическая холодная война», “tech containment” / «технологическое сдерживание», “economic decoupling” / «разделение экономик», “strategic competition” / «стратегическая конкуренция»,

“systemic rivalry.” / «системное соперничество». Важной особенностью является семантическая эвфемизация и гибридизация, порождающая неологизмы: “cool war” / «прохладная война» и “managed strategic competition” / «управляемое стратегическое соперничество», что отражает попытку вербализовать сложную, взаимозависимую природу конфликта.

Анализ репрезентации концепта NEW COLD WAR выявил спектр прагматических интенций, различающихся в зависимости от типа дискурса, но объединенных общей целью легитимации политических решений. В институциональном дискурсе (выступления политиков, стратегические документы) концепт используется как инструмент мобилизации и обоснования действий: реализуется стратегия морально-панического фрейминга через бинарные оппозиции, используется технократическая легитимация для представления конфронтации объективной «новой реальностью». В медийном дискурсе выполняется функция суггестивного фрейминга, где заголовки с маркерами новизны и интеррогативные конструкции внушают аудитории неизбежность конфликта, программируя ее на принятие биполярной оптики. В экспертно-академическом дискурсе реализуется стратегия объективации и верификации: через апелляцию к авторитету и риторике неизбежности концепту придается статус аналитической данности, тем самым сужается пространство для поиска альтернативных сценариев.

Сравнительный анализ функционирования концепта NEW COLD WAR по двум направлениям референции (Россия и Китай) позволил систематизировать его вариативность по трем ключевым параметрам, демонстрирующим функциональную дивергенцию. По параметру темпоральности дискурсивное поле, связанное с российским вектором противостояния, конструируется как «кризисная сиюминутность» (грамматические формы настоящего времени, модальность долженствования), тогда как дискурсивное поле китайского вектора – как «стратегическая протяженность» (длящиеся процессы, ориентация на будущее). Семантическая доминанта смещается от военно-идеологической архаики в дискурсе о России к технико-экономической гибридности и эвфемизации в дискурсе о Китае. Наконец, степень бинаризации в российском векторе тяготеет к жестким оппозициям «мы – они», исключающим компромисс, в китайском векторе грамматические конструкции служат легитимации симбиоза конкуренции и кооперации, что позволяет рассматривать противостояние как объемный, нелинейный процесс. Объединяющей чертой обоих векторов остается использование концепта для консолидации западного альянса и легитимации наращивания потенциала, однако лингвистические средства достижения этой цели диаметрально противоположны: эмоциональная мобилизация через страх для России и рационализация через стратегическую необходимость для Китая.

Экспликация глубинных структур концепта NEW COLD WAR позволила выявить ряд имплицитных идеологических пресуппозиций, лежащих в основе его прагматической операционализации. Во-первых, концепт основывается на бинарной логике, навязывающей упрощенную биполярную модель для осмысления сложной полицентричной реальности через ресемантизированную историческую аналогию. Во-вторых, его аксиологическим фундаментом является жесткое ценностное противопоставление «Свободного мира» (маркированного идеологемами свободы и демократии) «авторитарному Другому», который в случае России демонизируется через архаичные образы, а в случае Китая рационализируется как системный ревизионист. В-третьих, дискурс реализует стратегию секьюритизации, представляя конфликт не как результат политического выбора, а как объективную, неизбежную «новую реальность», что снимает ответственность за эскалацию. Наконец, важнейшей пресуппозицией становится нормализация перформативного противоречия – сосуществование риторики сотрудничества и неприятия конфронтации с реальными действиями по подготовке к ней, что закрепляет в общественном сознании модель нынешнего противостояния как новую норму.

В итоге исследование убедительно демонстрирует, что мы имеем дело с процессом ресемантизации исторической модели. Концепт NEW COLD WAR наполняется новым – гибридным – содержанием, адаптируясь к реалиям XXI века. Язык в данном случае выступает не как нейтральный медиатор, а как активный инструмент власти, формирующий восприятие и программирующий определенные сценарии будущего.

Проведенное исследование, задав основные координаты анализа, одновременно открывает ряд перспективных траекторий для дальнейших междисциплинарных исследований, охватывающих дискурс, политическую лингвистику и исследования международных отношений. В высокой степени продуктивным представляется сравнительно-сопоставительный анализ рецепции, рефрейминга и операционализации концепта NEW COLD WAR в незападных дискурсивных пространствах, а именно в рамках российского официального и экспертного дискурса, китайского официального и медийного дискурса, дискурсов государств Глобального Юга. Таким образом, дальнейшие исследования призваны сместить фокус с констатации факта использования концепта на глубинное понимание его глобальной циркуляции, конкурентного переосмысления и материальных последствий, что позволит построить более объемную и полифоническую картину современного идеологического ландшафта международной политики.

Материалы исследования | Research materials

1. Achcar G. The new Cold War: the United States, Russia, and China from Kosovo to Ukraine / G. Achcar By: Achcar, Gilbert Publication details. L.: Westbourne Press, 2023. Description: XI.
2. Alonso-Trabanco J. M. The Three Fronts of The Neo-Cold War. 2024. January 24. <https://www.geopoliticalmonitor.com/the-three-fronts-of-the-neo-cold-war/>
3. Bebernes M. Is the world at the start of a new Cold War? 2022. March 6. <https://www.yahoo.com/news/is-the-world-at-the-start-of-a-new-cold-war-144129786.html>

4. Black J. 'The Return of Great Powers' and 'Cold War 2.0' Review: Conflict to Come. 2024. March 11. <https://www.wsj.com/arts-culture/books/the-return-of-great-powers-and-cold-war-2-0-review-conflict-to-come-3db85100>
5. Ferguson N. How to Use and Misuse History in Cold War II With China. 2024. May 5. <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-05-05/in-us-china-cold-war-misusing-history-can-lead-to-disaster-and-conflict>
6. Garton Ash T. A new cold war? World war three? How do we navigate this age of confusion? 2024. May 3. <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/may/03/cold-war-world-history-future>
7. Hirsh M. Is Cold War Inevitable? 2023. January 23. <https://foreignpolicy.com/2023/01/23/cold-war-george-kennan-diplomacy-containment-united-states-china-soviet-union/>
8. Hughes K. Gen. Robert Spalding: America, China have started a new Cold War. 2023. March 15. <https://newstarget.com/2023-03-15-america-china-have-started-new-cold-war.html>
9. Ibrahim A. A New Cold War Needs Its Own Rules. 2024. June 9. <https://www.almendron.com/tribuna/a-new-cold-war-needs-its-own-rules>
10. Johnson B. Boris Johnson warns Tories off cold war with China. 2021. March 16. <https://www.the-times.com/uk/politics/article/uk-builds-up-nuclear-arsenal-to-counter-cyber-threat-cl96v0wbb>
11. Johnson B. Prime Minister's address to the nation on the Russian invasion of Ukraine. 2022. February 24. <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-address-to-the-nation-on-the-russian-invasion-of-ukraine-24-february-2022>
12. National Security Strategy. 2022. October. <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>
13. Rudd K. Short of War. 2021. February 5. <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-05/kevin-rudd-usa-chinese-confrontation-short-of-war#>
14. Sokolski H. China, Russia, and the coming cool war. 2024. June 24. <https://thequadreport.com/guest-commentary-china-russia-and-the-coming-cool-war/>
15. Soliman M., Carchidi V. Re-Balancing the Strategy of Tech Containment // Foreign Policy Research Institute. 2024. <https://www.fpri.org/article/2024/09/re-balancing-the-strategy-of-tech-containment/>
16. Stoltenberg J. Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the Extraordinary meeting of NATO Ministers of Defence. 2022. March 16. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_193194.htm
17. Sullivan J. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on Renewing American Economic Leadership at the Brookings Institution. 2023. April 27. <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/>

Источники | References

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996.
2. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991.
3. Беклямишев В. О. Исторические аналогии в политическом дискурсе: дисс. ... к. полит. н. М., 2023.
4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: ФЛИНТА, 2018.
6. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013.
7. Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5.
8. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сборник к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005.
9. Карасик В. И. Языковая лестница познания. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022.
10. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дисс. в виде доклада ... д. филол. н. М., 2003.
11. Ковалев Н. А. Эволюция концепта COLD WAR в американском политическом дискурсе (на материалах СМИ): дисс. ... к. филол. н. М., 2020.
12. Когнитивные исследования языка. Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование: сборник научных трудов в честь 70-летия В. З. Демьянкова / отв. ред. М. Л. Ковшова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. Вып. 36.
13. Красных В. В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // Respectus philologicus, 2005. № 7 (12).
14. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
15. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Московский государственный университет, 1996.
16. Маслова В. А. Концептуальные основы современной лингвистики: учебное пособие. М.: Флинта, 2018.

17. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII.
18. Павлова Н. Д., Афиногенова В. А., Гребенщикова Т. А. Дискурс социальных медиа: интенциональный подход // Психологический журнал. 2023. № 44 (1).
19. Паршин П. Б. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике // Диалог со временем. 2000. № 1.
20. Пименова М. В. Политика в зеркале метафоры (кулинарные концептуальные метафоры в описании политики) // Современная политическая лингвистика: материалы Международной научной конференции (г. Екатеринбург, октябрь 2003 г.). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003.
21. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: монография. М.: Флинта, 2012.
22. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Азбуковник Academia, 2000.
23. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд-е 3-е. М.: Академический Проект, 2007.
24. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. Изд-е 2-е, испр. М.: Флинта; Наука, 2007.
25. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. Екатеринбург, 2001.
26. Чудинов А. П., Сегал Н. А. Метафорический образ жандарма как зеркало социополитических изменений (на материале медиатекстов) // Политическая лингвистика. 2023. № 3 (99).
27. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2000.
28. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
29. Dijk T. A. van. Ideology and Discourse Analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11. № 2.
30. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. L.: Longman, 1995.
31. Fillmore Ch. J. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di Semantica. 1985. № 6 (2).
32. Kecskes I. Word, Context and Communication Meaning // Russian Journal of Linguistics. 2014. № 4.
33. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
34. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision / ed. P. H. Winston Patrick. N. Y.: McGraw-Hill, 1975.
35. The Handbook of Discourse Analysis. 2nd ed. / eds. D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin. Chichester: John Wiley, 2015.
36. Wodak R. The Politics of Fear. The shameless normalization of far-right discourse. 2nd ed. Los Angeles – L. – New Delhi – Singapore – Washington: Sage, 2021.

Информация об авторах | Author information

Ковалев Никита Александрович¹, к. филол. н.

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Nikita Aleksandrovich Kovalev¹, PhD

¹ Moscow State Institute of International Relations (University)

¹ nikitakovalyov@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.12.2025; опубликовано online (published online): 03.03.2026.

Ключевые слова (keywords): политический дискурс; концепт NEW COLD WAR / НОВАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА; дискурсивные функции; семантическая трансформация; фрейминг; political discourse; NEW COLD WAR concept; discursive functions; semantic transformation; framing.